

СЕРГЕЙ СЯКОВИЧСКИЙ

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕГО СКАЛЬДО

СЯКОВИЧСКОГО ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Сергей Сакадынский
Песня последнего скальда

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Сакадынский С.

Песня последнего скальда / С. Сакадынский — «ЛитРес: Самиздат», 2001

Я расскажу давнюю повесть. Повесть о вражде и ненависти, дружбе и предательстве, в которой я по воле бессмертных богов стал не только свидетелем, но и участником. И по сей день, когда я касаюсь рукою струн, звуки арфы пробуждают во мне забытое прошлое. И вновь чувствую я ледяное дыхание смерти, как в тот кровавый день, когда многие, из тех, кого я знал, ушли в Вальхаллу. И слышу я нарастающий грозный гул битвы, и воины падают на истоптанный ногами снег, и ручьями льется кровь...

© Сакадынский С., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

Сакадынский Сергей

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕГО СКАЛЬДА

Кто знает путь богов – начало и конец?

М. Волошин.

Я расскажу давнюю повесть. Повесть о вражде и ненависти, дружбе и предательстве, в которой я по воле бессмертных богов стал не только свидетелем, но и участником.

И по сей день, когда я касаюсь рукою струн, звуки арфы пробуждают во мне забытое прошлое.

И вновь чувствую я ледяное дыхание смерти, как в тот кровавый день, когда многие, из тех, кого я знал, ушли в Вальхаллу.

И слышу я нарастающий грозный гул битвы, и воины падают на истоптанный ногами снег, и ручьями льется кровь...

Все будет так, как должно быть,

даже если все будет иначе.

Коран.

Путь викинга прямой, как стрела. Но тот, кто идет по дороге жизни в вечность, никогда не знает, куда приведет его этот путь. Все будет так, как укажут вещие норны – всемогущие владычицы Судьбы. И даже великий Один Отец Побед и повелитель всех богов и людей не властен изменить их волю. Потому что у них в руках священные нити судьбы.

Порой эти нити так путаются и переплетаются, что вовсе нельзя понять, где одна, а где другая. Но у каждой есть начало и конец. И никому из смертных не дано знать, когда оборвется его нить.

Всякий живущий под небом обречен совершить предначертанный путь, и только одни лишь всеильные боги знают, где начало этого пути, а где конец. Так было и так будет всегда. И напрасно искать в этом смысл. Потому что все будет так, как должно быть. Как предопределят древние боги.

Викингу незачем задумываться о смысле жизни. Присовокупить к воле богов свой разум и силу – вот слава, достойная всякого смертного. Великий Всеотец, владыка всего сущего покровительствует храбрым. И тем почетнее смерть в бою, если всем павшим на поле брани уготовано место в чертоге Одина.

И не пристало воину роптать на неодолимую волю судьбы. Ибо все будет так, как пожелают бессмертные боги.

Не знаю по воле какого бога – Одина или Перуна – я, славянин, оказался в дружине викингов. Не я первый, не я единственный.

Мои соплеменники изгнали меня, и я не знаю, так ли много было в том моей вины. С тех пор я больше не имел родины. Я – Доброслав, славянин и сын славянина, отвергнутый своим родом и отрекшийся от своих богов. Я, ставший воином-скальдом среди таких же изгнанников и забывший свое собственное имя.

Они не знали, кто я и мой язык был им чужд. И как человек, подобранный чужую собаку, дает ей новую кличку, так и гости из края льдов нарекли меня Эрлинггом.

Что толку рассказывать, как я взял в руки весло, и как Тормунд сын Грима стал моим приемным отцом. В день, когда я перестал быть славянином и стал викингом, я встретил свою

шестнадцатую весну. И случилось это в тот самый год, когда Олаф конунг Бирки напал на Курланд и сжег Себорг.

С тех пор минуло восемь зим. И все это время мы шли от моря к морю, от земли к земле и где грабили, а где торговали.

Мир принадлежит тому, кто сильнее и храбрее. И мы, викинги, брали по праву нам принадлежащее. И не было конца нашему походу.

Ибо море бесконечно. И война тоже бесконечна. Когда кончается одно море, начинается другое, и когда кончается одна битва, начинается другая.

Но моя битва кончена, и мое море тоже. Хоть я и не думал об этом тогда, стоя на палубе боевого корабля – дракона, и после, отчаянно цепляясь за жизнь, алой струей вытекавшую из моих ран.

...Когда мы встретились с данами на скалистом берегу Каттегата, удача, до тех пор не оставлявшая Тормунда, повернулась к нам спиной. И ветер пел в бездонной вышине песню смерти, и вороны кружились в ожидании добычи, и отвесные скалы фиордов эхом вторили звону мечей...

Все изменилось в тот день. Я не стану рассказывать, как сражались и пали многие из храбрейших и как Тормунд сын Грима постучался в ворота Вальхаллы. Не по своей воле сел я за весло на корабле торговцев-фризов!

Я, Эрлинг Тормундссон, не хотел этого.

Судьба.

Предводителя торговцев звали Тригвальд. Это был вождь и по силе и по уму – кряжистый, словно дуб и сильный, как дикий тур. С первого взгляда всякий признал бы в нем ярла – хоть и не носил он ни дорогих одежд ни золотой гривны на шее.

– В битве я потерял кое-кого из своих – сказал он, когда мне развязали руки – мне нужны люди. Ты храбро сражался, и если захочешь остаться с нами, я верну тебе свободу.

Я-то думал: продадут меня, пленника, где-нибудь в Смоланде или Скирингссале. А вышло не так. Пленник же, пока он не продан, не раб. Стало быть, настанет время – и стану я наравне со всеми фризами и их вождем.

С тех пор греб я на их корабле.

На двух снелках у торговцев было едва ли более полусотни людей, не считая нескольких рабов с острова Эйре. Второй корабль вел родич Тригвальда Колгрим, человек молодой и горячий, не раз водивший своих людей в битву. Впрочем, сражались фризы редко – только если кто-нибудь посягал на их жизнь и добро, или когда они сами продавали за серебро свою силу и оружие. У них даже корабли были не боевые, а те, которые называют круглыми оттого, что похожи они на большие деревянные лохани. Настоящие ладьи викингов узкие, длинные, острогрудые, похожие на страшных морских змеев – недаром их называют драконами. Такому кораблю все равно в какую сторону идти – назад или вперед – потому что и нос и корма у них одинаковые. Одна разница – спереди во время похода надевают на штевень голову дракона, в которой обитает дух жертвенного животного – охранителя корабля. Когда ладью спускают на воду, непременно приносят жертву богам, чтобы ее душа вселилась в голову морского чудовища и навела страх на враждебных богов. Когда же корабль плывёт домой, голову снимают и прячут под палубу, чтобы не распугать добрых духов своей страны.

У фризов такой головы не было.

Корабли торговцев до краев были загружены товаром – в основном тюками с солью и кожей. Все это Тригвальд думал обменять на Востоке на зерно и дорогие украшения. И я плыл вместе с ним, толком не ведая, кто я – воин-купец или, не выкупленный пленник.

Тот, кто не сидит на ладье за веслами, не может называться воином. Настоящий воин гребет в походе сам – только тогда он и вправду один из морской дружины. И мы все, растирая

ладони в кровь, гребли без остановки, оттого что на море часто падал штиль, и лишь мертвая зыбь катилась от горизонта к горизонту.

Я сидел за веслом с человеком по имени Орвар. Кажется, он один из фризов был со мной дружелюбен.

Орвар был не старше моих лет, высок, статен, и в руках его таилась сила десяти человек – я видел, как вздувались под загорелой кожей его железные мускулы, когда он сменял меня у гребного люка. На шее он носил ожерелье из зубов акулы, а на поясе – длинный нож. Фризы его уважали и даже побаивались. Я видел. А что за человек был этот Орвар, тогда я еще не знал.

Вот так и шли мы день за днем по бескрайнему морю, а ветер и судьба гнали наши корабли все дальше на восток.

На двенадцатый день мы достигли Поморья, и Тригвальд решил извлечь из ножен кровавый меч войны. Мы прошли вдоль прусских берегов, опустошив селения и взяв добычу. А потом наш вождь надолго задержался в Себорге, торгуя захваченными в бою рабами.

После мы миновали Саарему и вскоре море осталось далеко позади и. Тригвальд повернул свои корабли к финским берегам, в устье реки, соединявшей соленую воду с большим и глубоким

озером, северный берег которого назывался Кириаланд а южный – Гардар. Хозяйничали там разные люди – и пришлые заморские гости, и местные племена. А торговля в тех краях была богатая – знал ведь Тригвальд – купец, где выгоднее продать свой товар!

Другие грезы и мечты

Волнуют сердце славянина:

Пред ним славянская дружина,

Он узнает ее щиты...

А.С. Пушкин.

Озеро возникло перед нами неожиданно, полыхнув сквозь мохнатые лапы елей словно огромное серебряное зеркало. Дико и пустынно было вокруг, только чайки с криком носились над водой, задевая крылом волну, да в камышах среди черных коряг раздавалось кряканье уток.

Над озером разгорался рассвет, и первые лучи солнца, разгоняя ползучий туман, зажигали червонным золотом гладкое, еще не проснувшееся зеркало вод, когда наши ладьи черными воронами вынырнули из сырой полумглы в яркое сияние летнего утра.

За бортом плескалась волна. Нагибался вперед, налегая на весло, и все остальные делали то же самое. А потом гребцы откидывались назад – и весла взлетали кверху, разбрасывая изумрудные осколки волны. И так без конца.

Фризам помогала грести древняя, как море и небо песня. И Тригвальд тоже пел, орудуя веслом наравне со всеми:

Мы шли сквозь бурю
на дальний запад,
ревели ветры
и рвали парус,
взрывая волны,
скрипели весла.
Мы ищем битвы,
мы ищем крови,
и смерть в сражении

для нас награда.
Кричали чайки
над бездной моря,
ревели волны
подобно турам.
В обитель мертвых
спешат герои,
и гибель в битве
для них награда.

Я слышал эту песню прежде – так поют датские воины, когда их морские кони весело спешат к месту боя.

Враги бежали
от острой стали
мечей и копий,
секир тяжелых.
Что есть на свете -
возьмем мы силой!
Не станем в поле
пшеницу сеять!
Добудем счастье
мечем в походе,
и нашу доблесть
прославят скальды.

Корабль шел навстречу восходящему солнцу, и оттого казалось, что наши весла опускаются не в воду, а в расплавленный драгоценный металл.

Лес местами вплотную подступал к берегу, и внизу, у корней деревьев все еще синели редкие клочья тумана. Солнце медленно взбиралось на небо, разбрасывая золото по вершинам сосен. Чайки тонули в небесной синеве, и только их пронзительные крики неслись с высоты и разбивались о безбрежную гладь озера, сливаясь с плеском волн и походной песней торговцев.

Мы ищем крови,
мы ищем битвы,
придем с мечем
на чужие земли,
сожжем в огне
города и замки,
себе возьмем мы
рабов и золото.
Наградой будут
за доблесть нашу
прекрасных пленниц
любовь и ласки.
Для нас сражение -
веселый праздник,
нам блеск железа
всего дороже,

нам кровь убитых -
хмельной напиток!
Зовут нас в битву
рога и трубы,
а вдалеке
уж синее берег...

В песне было еще много слов о несущих смерть стрелах, о пролитой крови, о летящих к чужим берегам кораблях-драконах и о сиянии глаз светлоликих и златокудрых северных красавиц, которые ждут возвращения викингов из далеких морских походов...

Там, на севере, среди молчаливых скал Уппланда меня не ждет никто. А если и ждет, то не дожидается. Никто больше не вскрикнет громко и радостно: "Викинги! Вернулись викинги!", и волны прибоя не подхватят и не понесут этот крик. И никогда больше девушка в снежно-белом платье, в спешке позабыв заплести свои тяжелые золотые косы, не выбежит на берег, чтобы, стыдливо опустив глаза, поднести мне полную чашу хмельного напитка...

И я, погрузившись в тяжелые думы о прошлом, сильнее налег на весло, уже не слушая слов песни.

Где мы прошли,
только дым пожарищ
и реки крови,
в бою пролитой.
Рыдают вдовы
в чужих селеньях
и груды мертвых
в полях чернеют...

И в этот самый миг песня оборвалась, потому что на зеркальной глади озера внезапно возник кроваво-красный дракон. И почудилось мне в тот миг, что выплыл он прямо из глубины студеных вод, оттого что против солнца никто не разглядел, откуда он появился!

Это был настоящий дракон – узкий, длинный и зловецкий. И змеиная голова страшно скалилась на форштевне. Только парус был не полосатый, а белый, словно первый снег в горах.

Тригвальд отпустил весло и высоко поднял руку. И наши корабли остановились, хотя до того не видывал я случая, чтобы два снека уступали дорогу одному! Не знаю, правильно ли сделал наш предводитель, да только я промолчал. Говорят, мудрость приходит с годами, а Тригвальд был почти вдвое старше меня.

Красный дракон тоже замедлил свой стремительный бег и с его палубы громко и сердито прокричала боевая труба. Торговцы настороженно ждали, что будет дальше, и многие держали руки на топорах.

Между тем неведомый корабль приблизился к нам на расстояние голоса, так, что можно было сосчитать сверкающие острия копий над неподвижной стеной щитов. И я сказал вису:

Достиг дракон Улей ясеня
поля игры валькирий.
Пусть всемогущий Гримнир
победу дарует храбрым!
Рыбы бурана лезвий
в вихре Гёндуль прославят
и приведут в Вальхаллу

стражей костра морского!

А потом я присмотрелся повнимательней и прямо задохнулся, едва не выпустив из рук весло. Ведь не простой дракон стоял нынче перед нами, потому что вместо полукруглых шлемов северян над стеною щитов разглядел я островерхие шлемы славянских ратников!

Сердце ухнуло у меня в груди и застучало кузнечным молотом. Что-то – будто застоявшаяся мутная вода – всколыхнулось во мне и затопило меня изнутри, словно волна прибоя.

Видно, я сильно переменялся в лице, потому что Орвар долго и пристально посмотрел и сказал тихо, вполголоса:

– Уж не испугался ли ты битвы, Эрлинг-скальд?!

Я усмехнулся, но ничего не ответил, потому что громкий голос с красного корабля прокричал на языке свеев:

– Кто вы, викинги, и куда идут ваши ладьи?!

Это говорил воин в сверкающем шлеме и пурпурном плаще – видно предводитель, а его воины неподвижно стояли вдоль бортов, высоко подняв щиты, и железо в их руках отражало яркий свет солнца.

Наш вождь не стал медлить с ответом.

– Имя моё Тригвальд, а это моя дружина. Мы торговцы из Фризланда, и наши ладьи идут с миром!

– Мне неведомы твои истинные намерения и я не знаю, что делаешь ты среди вод нашего озера. Кто подтвердит, что ты не друг моих врагов?

– Мне все равно, чья это вода, – сказал Тригвальд, хмуря брови, – хоть и не слышал я до сих пор, что текучие волны можно поделить так же, как землю или звериные шкуры. И не стану я с тобой говорить прежде, чем ты назовешь свое имя.

Молодой воин гордо выпрямился и опустил руку на рукоятку меча. Теперь-то я разглядел, что был он много моложе меня, хоть и водил за собой дружину и целый корабль.

– Имя мое Вадим, – проговорил он высокомерно, – и берега Нева -моря содрогаются, заслышав его!

Нево-море – так звали это озеро местные племена. Оно ведь и впрямь было велико, словно море!

Да только Тригвальду до того дела не было.

– Не слышал я твоего имени до сей поры, – молвил наш вождь, – и не знаю, так ли уж велика его слава.

– Напрасно ты затеваешь со мной ссору, викинг, – проговорил молодой славянин -потому что сила не на твоей стороне!

– А разве на твоей? – Усмехнулся Тригвальд, и многие тогда подумали, что без битвы нам не разойтись.

– Не спорь со мною, гость! – в голосе Вадима зазвучала угроза, – И лучше бы тебе и твоим людям сложить оружие и следовать за мной в славный город Ладогу. Потому что со мной на корабле полсотни отважных воинов и столько же ждут меня в лагере вон за тем леском!

Все поглядели туда, куда указывал рукою молодой славянин и увидели над соснами вьющийся к небу тонкий дымок от костра.

Долго ли еще говорили между собой наш вождь и предводитель славян, я рассказывать не стану. Под конец же Тригвальд сказал:

– Мы пойдем за тобой лишь потому, что не к чему нам лить попусту кровь. Я дорожу своими людьми и своим товаром, а с тобой мы договоримся.

После того Тригвальд, Колгрим и еще некоторые фризы без оружия перешли на Вадимов дракон. Я был в их числе, и одним из первых стал свидетелем хитрого обмана.

За приставленными к бортам щитами никого не было. На всем корабле Вадима набралось едва ли полтора десятка воинов, а сам корабль был немало потрепан то ли в битве то ли в большой буре, ещё четверо славян дожидались нас на берегу у костра, в том месте, где над соснами курился дымок.

Вот так случилось, что ничтожный отряд хитростью взял в плен и привел в свою землю два корабля с немалым числом людей.

Славен ты, город Ладога! Сто тысяч дорог ведут к тебе со всех концов мира и по тем дорогам идут-спешат к тебе заморские гости из разных земель, торопятся на твой великий торг! Слышал я про то много раньше. И про то еще слышал, что нет торгового богаче во всех землях, что вокруг лежат.

Кого только не увидал я в славной Ладоге! И карелы, и литвины, и финны разные, и гости из дальних стран, и славян от многих племен – не перечить. Говорили даже, что торгуют здесь купцы из самого Миклагарда – Царя городов, что стоит в самом центре мира.

Торговали кто чем. Славяне – те больше мехом, медом да зерном, гости с востока – тонкими тканями да добрым железом, меняли свой товар на славянских рабов. Северные же гости – вроде нас – что пришли из страны льда и камня, где нет ничего, покупали здесь всякое добро, чтоб везти к себе за студеное море.

Вот каков он был, город Ладога, которым зовут на севере Альдейгюборгом. Нет ему равных – ни здесь, ни во всем Поморье!

Пока мы плыли, пока подводили к пристани тяжелые снеки, я успел хорошо разглядеть и город, и крепость, и все вокруг.

Ладога широко растянулась по берегу, сбегая к воде толпами многоликих домов, которые полукругом охватывали торг и большую бревенчатую пристань. Разные были эти дома – богатые купеческие, победнее – иных горожан. А кроме них еще – усадьбы, окруженные частоколом, похожие на маленькие городки.

А выше всех, на высоком обрыве, там, где в озеро вливалась река, стояла крепость, подобна большому черному утесу.

Над пристанью и над торгом стоял неумолчный людской гам. Скрип телег мешался с мычаньем коров и ржанием лошадей, и со всех сторон раздавались крики купцов, выхваляющих свой товар или бранящихся друг с другом. Все говорили разом, все на разных языках, и все понимали друг друга. Такого не видел я даже на большом торгу в Скирингссале, где мы с Тормундом прежде продавали взятых в бою рабов.

Тригвальд вместе с Вадимом отправился в крепость, нас же на берег не пустили и оставили под охраной на кораблях. Оружие у нас отобрали и перенесли на Вадимов дракон, а из крепости пришел большой отряд лучников, так что едва ли мы могли что-либо сделать для своего спасения.

А поздно вечером к нам воротился Тригвальд с известием, что правители славян – Станислав и Гостомысл – велели вернуть нам оружие и позволили торговать. Правда, до рассвета мы должны были оставаться на кораблях под приглядом вадимовых лучников – мало ли что.

Фризы раскинули на своих кораблях шатры и собрались спать, Я же не захотел оставаться с ними и выбрался на воздух, чтобы поразмыслить о том, что случилось с нами в тот день.

Ночь погасила пожар заката и зажгла вместо него мерцающие огоньки звезд. Душная темнота затопила все вокруг.

Мне не спалось.

Недобрые мысли ходили вокруг меня. Я сел на борт корабля и сидел так, не шевелясь целую вечность. И смотрел, как дрожат в черной воде отражения звезд, и камень у меня на сердце становился все тяжелее.

...В далекой стране богов, у корней мирового дерева ждут три безмолвные девушки – норны и прядут священную пряжу людских судеб. И мотается с клубка нитка жизни, и проходит жизнь по воле бессмертных богов...

Я был викингом восемь зим и редко думал о том, кто я на самом деле. Но воля богов бросила меня вновь сюда, в землю моих предков, и мне вдруг захотелось бросить все и бежать, бежать в безмолвную печаль ночных лугов, прочь от этих пропахших морем кораблей. Сойти на берег, пройти сотню шагов – и я уже не пленник на корабле фризов!

Но что я найду здесь, в чужой для меня земле я, бродяга, лишенный всего? Да и не пропустят меня славянские лучники -ведь для них я викинг, разбойник и торговец, странник, затерянный среди морских дорог.

Нет, напрасно дрогнуло мое сердце. Боги не оставили мне выбора. Славянская кровь замерзла в моих жилах, стала морской водой. Ведь в жилах викинга течет морская вода – потому что у него нет родины. Его родина – безбрежное море, его дом – острогрудый снекк. Нет у меня ничего ни на этой земле, ни во всём мире,

А потом мне пригрезился скалистый уцпландский берег, колеблющийся в синеватой дымке – словно смотрел я на него с палубы плывущего по волнам дракона. И там, на самом верху, где цеплялись корнями за камни истерзанные ветром деревья, виднелось сквозь сизый туман легкое белое платье...

Я любил девушку по имени Оддрун, и она меня любила не менявшее. Хотя викинги часто привозили себе женщин из-за моря, я выбрал ее. Всякий раз она приходила на берег, чтобы проводить викингов в далекий путь, и всякий раз первой встречала их, едва паруса драконов поднимались из-за морских вод. И я знал, кого искали ее золотистые глаза на палубе нашего снекка.

Отца ее звали Йормунд, и я понес ему свадебный выкуп – три марки серебра. И велика была моя обида, когда старый Йормунд отдал свою дочь другому. И Оддрун покорилась, ибо женщине все равно, кому принадлежать. Был бы я морским ярлом или хоть бы водил за собой десяток людей, то непременно взял бы ее силой. Только боги распорядились иначе.

Больше не придет она проводить меня в далекий поход и не увижу я среди серых камней ее белого платья.

Не знаю, заснул ли я или просто боги послали мне видение, но только одна женщина исчезла и вместо нее появилась другая. Её лицо не было мне знакомо. Она стояла, одетая в бледное сияние, и смотрела на меня синими, как небо, глазами. В руках ее был клубок ниток и, грустно улыбаясь, женщина молча разматывала его » тонкими пальцами. Не ведаю, была ли это сама хозяйка судьбы вещая норна Скульда, или видение обмануло меня...

А потом я очнулся и женщина исчезла, потому что Орвар сильно потряс меня за плечо.

В ту ночь что-то случилось в крепости на горе. От того-то Орвар и разбудил меня. Я думал, что он спит, но Фриз не спал, как и я, предавшись думам. А может, просто комары не дали ему уснуть.

– Смотри! – Сказал он, указывая в темноту.

Я увидел, как на стенах крепости вспыхнули смоляные факелы и метнулись к воротам. А потом ветер донес до нас неясный шум, стук лошадиных копыт и приглушенный гул множества голосов. И вдруг все разом стихло, только факелы на стенах продолжали гореть и в их свете колебались неясные тени...

А наутро фризам все-таки разрешили разложить свой товар, только глаз с них по-прежнему не спускали. В городе все было по – прежнему, и я начал думать, что мои ночные видения были всего лишь кошмарным сном.

Тригвальд со своими пошел на торг под приглядом славянских лучников, а я остался с теми фризами, что вместе с Колгримом сторожили корабли.

Торговцы занялись починкой паруса, а я сел в стороне на корягу и сидел так, задумчиво ковыряя палкой песок. Колгрим крикнул, чтобы я шел помогать, но, увидав, что я даже не пошевелился, оставил меня в покое.

И тут я подумал: толку-то, что Тригвальд взял меня на: корабль и вернул мне меч? Идти мне все равно некуда, а торговать вместе с фризами я не хочу. Не умею я торговать – взвешивать на весах кусочки серебра, спорить с купцами о цене да рыскать по морям от одного торга к другому. Недостойное это дело, не к лицу оно настоящему мужчине. Зачем же мне тогда и дальше оставаться с фризами? Я не покупал, не продавал и кошель мой был пуст. Ту небольшую добычу, что удалось взять, когда мы разбойничали в Поморье, я разделил на две части. Одну зарыл в песок, чтобы это серебро вернулось ко мне после смерти, а другую бросил в море, в жертву богам. Но мои боги не услышали меня.

Что ж, у них есть дела поважнее, и моя беда им не в тягость.

Над городом клочьями сизого дыма ползли облака, а вдалеке, у самого края неба громоздились одна на другую черные гроззовые тучи. И там, в вышине, над пустыми полями глухо ворчал гром: это Тор сын Одина ударял каменным молотом по небесной тверди, пробуя свою силу.

Я встал. Я не мог больше сидеть здесь и ждать неведомо чего. Ветер швырнул мне в лицо душный запах трав и цветов, бесконечных лугов и тенистых рощ. Но пахли эти рощи и луга чем-то чужим, незнакомым, словно пришел я в неведомую заморскую страну. Да так оно и было.

Фризы возились возле своих кораблей, и им не было до меня никакого дела. Сверху, из города доносился шум – там торг, там были Тригвальд и его люди.

Постояв, я повернулся и пошел прочь от берега, от гора, от всего. Куда? Едва ли я ведал сам. Если у человека нет дома, то ему все равно, куда идти. Ибо нет разницы в том, где обретет он себе пристанище.

Я был один – пришелец в чужой стране. У меня не было ни родичей, ни друзей, ни вождя. Таких, как я, немало – они скитаются по свету, не ведая пути, подобно тому, как по волнам океана блуждает ледяная гора.

Я чурался людей, сторонился их. Увидав впереди лес, я свернул с дороги и углубился в гущу деревьев, где царил сырой и душный полумрак. Солнечные лучи не проникали сюда сквозь тесно сплетенные ветви, и даже в самый жаркий день здесь не было тепла и света. Запахи гнили, прелой листвы и грибов прогнали прочь жаркое дыхание пшеничных полей. Но здесь, среди замшелых вековых стволов я чувствовал себя лучше, чем под открытым небом.

Я шел наугад. Тяжелый меч больно ударял ножами по негам, и вскоре я пожалел, что не оставил его на корабле. Порывы ветра раскачивали верхушки деревьев, и те издавали однообразный глухой шум.

И вдруг впереди мелькнули что-то очень похожее на человека. Невольно схватился за меч, но тут же опустил оружие. Передо мной, притаившись в сырой тени, стоял идол.

Я облегченно вздохнул и пошел было дальше, но тут же остановился снова. Сердце мое наполнилось священным трепетом, и некоторое время я не мог даже пошевелиться.

Я увидел капище. Неведомые дровосеки вырубили лес под корень, освободив посреди чащи большую поляну. После ее обнесли частоколом, а внутри поставили идолов. Они и сейчас стояли там – восемь кривобоких, корявых столбов с потемневшими от времени ликами. Девятый, опрокинутый, лежал рядом на земле.

Это было старое святилище, где славяне молились и приносили жертвы много лет. Но теперь о нем позабыли – частокол наполовину сгнил и местами повалился, идолы покосились и почернели.

Два камня-оберега, похожие на присевших на корточки воинов, сторожили вход. Сделав рукой охранительный знак, я осторожно прошел между ними и остановился.

Посреди поляны рос огромный тысячетный дуб, который пощадил топор дровосека. Обхватить его вряд ли смогли бы и полтора десятка человек. Из-под самых корней изливался звенящий ключ, обтекая подножие каменного идола Перуна – бога грозы и войны. Перед Перуном стоял большой плоский камень-жертвенник – прежде на нем неугасимо горел священный огонь.

Остальные боги без всякого порядка толпились вокруг – одинаковые, словно сосновые чурки, так что я даже не мог разобрать кто есть кто, Все они были деревянные.

Я провел рукой по шершавому замшелому боку идола. Из-под пальцев посыпалась труха. Кто знает, сколько они здесь стоят? Сто лет? А, может, двести?

Боги были старые, позеленевшие от мха и плесени, с ног до головы увитые гирляндами плюща. Их суровые лики потемнели от дождей и ветров, но глаза смотрели по-прежнему зло и угрюмо, словно хотели испепелить взглядом меня, пришельца потревожившего их покой.

Поблизости нигде не было видно ни тропы, ни дороги, а внутри ограды все заросло травой молодыми побегами дубняка. Запустение царило здесь, в жилище древних богов. Омертвление, длящееся веками.

Я прислонил меч к жертвеннику и, наклонившись к ручью, зачерпнул воды. Вода была холодна, как лед.

Я не донес ее до губ – рука моя остановилась на полдороге и сам я замер, стоя на одном колене. Ничего не изменилось вокруг, но я вдруг почувствовал, что я здесь не один. Я явственно ощущал присутствие чужака.

Я вдохнул воздух, прислушиваясь к запахам. Кто-то притаился здесь среди древних славянских богов. И я знал: это был не зверь. Это был человек!

Я выпрямился и, пристальным взглядом обшарил пустую поляну. Ничего – лишь все так же хмурятся суровые лики богов да шепчутся, обнимаясь, колеблемые ветром травинки.

– Кто здесь?! – Крикнул я, наполовину обнажив меч.

Ни звука. Но всем своим существом я ощущал на себе чей-то пристальный взгляд.

Мне стало не по себе – чем-то нехорошим веяло от этих замшелых истуканов. Уж не древние ли боги или духи леса, чье обиталище я потревожил, следили за мной из сумрачной чащи? В другое время я рассмеялся бы в лицо всякому, кто вздумал бы сказать мне об этом. Но сейчас...

Лес звенел голосами тысячи птиц, и в этом неумолчном гаме я не мог расслышать отдельные звуки.

– Я Эрлинг сын Тормунда, – громко произнес я, – говорю тебе, пришедший без зова, выйди и покажись!

Говорил я на языке свеев, и велико было моё удивление, когда чей-то голос на том же языке спросил:

– Чего ты хочешь, викинг?

Я даже попятился от неожиданности. Я никого не видел перед собой, и холодок пробежал у меня по спине. Ибо голос прозвучал будто из-под земли. Или из каменного чрева Перуна?..

– Кто это сказал? – Спросил я.

– Какая разница? – Помедлив, отозвался голос. Теперь, вслушавшись, я понял, что говорить это могла только женщина. И все же я не решился сдвинуться с места.

– Что же ты замолчал? – Спросил невидимый собеседник. – Или испугался?

– Ты смеешь говорить викингу о страхе? – Зло ответил я. – Говори, чего тебе надо!

– Это ты меня спрашиваешь? Да ведь ты сам позвал меня, Эрлинг Тормундссон!

– Кто ты? Лесной дух?

В ответ послышался смешок, и я почувствовал, как во мне закипает гнев. Нет, духи так не говорят. Здесь прятался человек! И я сказал:

– Если ты тролль или дверг, то лучше сгинь. А если человек – выходи, не дразни меня!

– Ладно, я выйду .По думав, согласился голос. – Только обещаю, что ты не тронешь меня. Это было уже слишком!

–Клянусь кольцом Фрей и молнией Тора, – гневно произнес я, -что разобью твою голову о камень ,если ты не прекратишь издеваться надо мною! Выходи!

Порыв ветра прошел по вершинам деревьев и затерялся в глухой чаще, унеся прочь мои слова. А потом я невольно вздрогнул и пригнул голову, потому что тяжелый раскат грома прокатился прямо надо мной, и молния полыхнула, сине-белым клинком пронзая небо.

– Я здесь! – Сказал голос.

Гром прогремел снова, и в воздухе запахло дождем, и листья затрепетали, испуганно перешептываясь на своем никому не понятном языке – видно, Тор-громовежец выводил из стойла своих чернобоких баранов, чтобы впрячь их в свою колесницу и вихрем промчатся над миром, рассыпая огневые лезвия молний.

Я опомнился только спустя мгновение и тут же снова потерял дар речи. Передо мной стояла девушка. Невысокая, стройная ,и волосы золотыми волнами рассыпались по ее узким плечам. Ночное видение вновь всплыло в моей памяти, но тут же рассеялось, ибо эта девушка мало была похожа на ту, что явилась мне во сне.

– Ты кто? – Опомнившись, быстро спросил я.

– Я та, кого ты позвал. – Ответила девушка. Она стояла, искоса глядя на меня, словно готовая умчаться прочь дикая лань.

– Не бойся. – Сказал я, убирая оружие.

– Да? А мне казалось, что это я тебя испугала. В этот миг небо загудело, словно колокол, и тут же над лесом, словно огромный многоглавый дракон, выросла грозовая туча.

– Будет дождь. – Ни к кому не обращаясь, сказала девушка.

– Что ты делаешь здесь? – спросил я.

– Это ты что здесь делаешь? У
то мое место!

– Послушай, красавица, – примирительно заговорил я, -я уже назвал свое имя. Теперь твоя очередь.

– А никто не просил тебя называться! И вообще, нечего было меня звать!

Новый удар грома – еще сильнее предыдущего – грянул над лесом. Я посмотрел на девушку и сказал вису, которую сложил тут же:

Дивная Скади злата
кроется в листьях дуба.
что же ты ищешь, дева,
В ночи лесного мрака?
Опора недруга турсов
сравнится с тобой едва ли.
Зачем же ты избегаешь
Ньорда игры железа?

– Так ты еще и скальд, Эрлинг Тормундссон! – Усмехнулась девушка и в глазах ее зажегся ехидный огонек.

– Но слушай, красавица, – сказал я ,– не довольно ли? Больно уж странен наш разговор.

– А я вообще не хочу с тобой разговаривать. И не называй меня красавицей, потому что я урод! Понял? И уходи отсюда! Это мое место!

И снова со страшной силой ударил гром. И тут же редкие, но крупные капли дождя застучали по листьям векового дуба.

Глупо было вот так стоять и мокнуть. Я и вправду собрался уже уйти, но потом остановился и оглянулся назад. Девушка стояла на том же месте, с лукавой усмешкой глядя мне вслед.

– Намокнешь, красавица, – сказал я. И, подумав, добавил: – Хочешь, дам тебе свой плащ?

– Обойдусь. Тебе-то какое дело?

– Не знаю.

Я сделал шаг к ней, но девушка поспешно отступила назад.

– Не подходи! – сказала она, а глаза ее смеялись. – Я тебя боюсь.

Я сделал еще шаг, но тут откуда-то из-за деревьев, видно, с берега реки, порыв ветра донес надрывное хрипение боевых труб, захлебнувшихся в струях дождя.

Я настороженно вскинул голову, вслушиваясь в заглушенные ливнем звуки. На девушку я уже не глядел, а когда обернулся – ее уже не было. Тогда, не медля больше, я побежал к кораблям.

Я поспел на берег как раз ко времени – когда из мгливой дождевой круговерти в устье реки вынырнул дракон, черный, как грозовая туча. Вот отчего исступленно трубили трубы, заглушая собой громовые раскаты! Издали, видать, завидели дозорные с крепостных башен неожиданного черного гостя! А что был то за гость, узнал я скоро от других людей.

Дождь перестал под вечер, к вечеру пришел к нашему кораблю послом от Вадима человек по имени Харвард из Конунгахеллы. Сперва он хотел купить у Тригвальда кольчугу. Посмотрел несколько кольчуг, кольчуги ему не понравились.

Тригвальд все пытался спихнуть гостю что-нибудь из своих товаров, да того, видно, мало что интересовало. Посмотрел гость кольчуги – стал смотреть мечи.

А лотом он сказал, словно бы между прочим, пробуя ладонью острие тяжелого рейнского меча:

– Зовет тебя славный Вадем-ярл в терем на пир со всей твоей дружиной. Он велел сказать, что прийдет за тобой через два дня. А до тех пор дозволено тебе и твоим людям со всеми товарами перейти с кораблей на гостинный двор и торговать в Альдейгюборге беспрепятственно.

– С чего вдруг ласка такая? – Настороженно спросил Тригвальд.

.Харвард полюбовался еще игрой света на широком лезвии и стал спрашивать Тригвальда о каких-то кораблях, и стал описывать те корабли по парусам да по резьбе на бортах.

– Не встречал я на озере таких кораблей, – отвечал фриз, – и не возьму я в толк, с чего ты меня обо всем этом расспрашиваешь.

И стали тогда они говорить еще, а я стоял, согнувшись у борта, и слушал их разговор. Вот тут-то я и услышал я впервые имя, что после прогремело подобно грому – Хрёрек.

А говорили Тригвальд и наш вождь о том, что служилось в те дни в стране Гардар, и о том, что видели мы с Орваром минувшей ночью!

Девять закатов назад грозный Хрёрек-конунг на трех кораблях прошел вдоль славянских берегов и напал на поселения восточнее Ладоги. Уведаль о том Вадим и пошел против Хрёрека на шести кораблях. Да не судилось ему удачи. Лишь на одном корабле воротился он из похода. Тогда-то мы и встретили его, достигнув Нева-морья!

А в то же время храбрый вождь Оле сын Ингвара собирал дань с племен для славного Эйрика конунга Упсалы. И вот в одном месте старейшины решили не дать ему серебра и звериных шкур, потому что пришлось им перед тем откупиться от могучего Хрёрека. Самый главный из них по имени Твердислав подговорил всех своих взяться за оружие. А за подмогой послал все к тому же Хрёреку, которому много раз платил дань. И вот когда Оле явился к ним с половиной своей дружины, Хрёрек и Твердислав напали на него в лесной чаще. Упладцы полегли все до единого, а голову их вождя Твердислав велел положить в мешок и отослать остальным – тем, что дожидались на берегу. Побратим Оле Хокон, получив страшный дар, в ужасе бежал с поля боя, даже не показав оружия.

Все бы хорошо, да только вскоре пришел на Нево-море большой флот уппсальских викингов и стал жечь и грабить славянские и финские берега в наказание за то, что было сделано Твердиславом. Минувшей ночью весть о том принесли в крепость посланцы из тех: земель, вот и подняли там тогда тревогу.

А нынче на черном, как смоль, корабле прибыл посол от северных вождей по имени Атле-Змея – за своих убитых вергельд требовать. Оттого спорили меж собой теперь правители Ладоги, что им делать и как беды избежать. Старый Гостомысл говорил, что Хрёрека надо звать в помощь. Вадим же того не хотел – сам решил собрать войско и дать отпор гостям незванным.

Тут-то и стало ясно, зачем явился к нам Харвард. Видно, думал Вадим фризов к себе звать в дружину. Да только Тригвальд наш с ответом спешить не стал, так и ушел гость от нас ни с чем обратно в крепость.

А о разговоре том в тот же вечер я рассказал Орвару. Он слушал меня внимательно, а потом поведал мне все, что в тот день узнал о Хрёреке и о Харварде-ярле.

Вот уж поди сотню лет смотрится в синие воды Нева-моря славный город Ладога. Никто ныне не помнит, как когда-то взрезал острой грудью береговой песок длинный корабль-дракон и в первый раз викинг в медвежьей шкуре соскочил с его палубы на эту землю. Славяне здесь еще в те времена не жили – пустынной была эта страна, к лишь кое-где встречались у берегов финские поселения.

Победив финнов, построили пришельцы-северяне над рекою Мутной свою крепость и собирались там для очередного похода. Потом стали торговать – и вырос город. И сидел в том городе могущественный северный конунг со своей дружиной и собирал дань с окрестных земель.

Между тем подошли с юга славянские племена и поставили их вожди выше по реке, на Ильмень-озере свой город. И начались раздоры у них с гостями заморскими.

Последним сел в Ладоге Льотбард-конунг с братом своим Годлавом, а славяне сообща ополчились против него. Снарядили они рать и послали на Ладогу своего вождя Буривой. Льотбард же созвал себе в помощь многих ярлов и развеял по ветру всю их грозную силу. С той порты откупались от него славяне ежегодной данью.

А когда умер Буривой, появился на море Нево новый гость – Хрёрек. Сидел он прежде далеко, где-то на Ругене или еще дальше, на Фризских островах. А после то ли свои его выгнали, то ли ссора у него вышла с данами и свенами – да только пришел он на Нево-море чужой земли искать. И пришел не один, а с большой дружиной – сто сорок кораблей за собой привел!

Сначала будто бы был у него уговор с Льотбардом против славян и свеонов – что станет он, Хрёрек, город его от врагов защищать, а за то будет получать третью часть дани с окрестных земель. А потом стало Хрёреку той части мало, и ополчился он против Льотбарда.

Пришел он к городу Ладоге с великой силой и раскинул шатры над рекою Мутной. Четыре лета назад это было – люди помнили.

И совсем худо пришлось северянам, оттого что ладожане поначалу все встали за Хрёрека. Сам Льотбард заперся наверху, в крепости и послал к славянам просить помощи. Те же убоялись Хрёрека и, собрав рать немалую, пошли в ладьях к славному городу Ладоге. Хрёрек же – тоже в ладьях – вышел навстречу. И вот как дело было.

Около Ладоги река узкая и вся в порогах – место трудное. Словене -они в поле больше горазды воинствовать – побоялись идти дальше, остановились. И совсем бы одолел Хрёрек, да ладожане вдруг заупрямились, на славян идти не захотели. А тут еще и Льотбард со своими вышел из крепости и ударил по нему сзади.

Хрёрек смекнул, что запахло жареным, собрал своих и убрался прочь. А славяне смекнули, что теперь под шумок можно и от Льотбарда отделаться, пошли на Ладогу и взяли город. Льотбард и вся его дружина полегли в бою, а ладожане избрали себе правителем Гостомысла

сына Буриvoja и стали сами по себе править. А Хрёрек за море ушел и посылал оттуда свои корабли на ладожские берега за данью. И не он один. Оттого-то приходилось ладожанам звать на службу людей заморских – таких, как тот Харвард, – чтобы и от северян отбиваться и своих соседей близко не подпускать. А старшим над всеми этими людьми был князь Вадим, мне уже знакомый.

Вот как дело было, а как будет дальше, я не ведал.

На другой день мы перетаскивали товар с наших кораблей на гостинный двор – так надежнее. На берегу всякое может случиться, а там, в крепости держать свое добро всегда спокойнее.

Шли мы через город вверх по склону, и сопровождали нас отроки из славянской дружины, которых прислал нам в помощь князь

Вадим. Когда мы одолели половину дороги, я оглянулся и увидел на другом берегу – крутом и обрывистом – выходящие из-за леса островерхие крыли.

– Что это? – Удивился я. – Там тоже город? Отрок-славянин, шедший рядом, ответил:

– На той стороне усадьбы воевод, что служат славной Ладогe. Вон в той живет Рагнар-хозяин. Еще его отец его в Ладогe жил.

– А кто он, этот Рагнар?

– Знатный муж, воевода., У него своя дружина и корабль.

Больше расспрашивать я не стал и удовольствовался тем, что услышал. а потом и вовсе стало не до разговоров, потому что вошли мы в крепость.

Дом для заморских гостей был велик непомерно, и селились там люди разные, и всем места хватало под крышей.

Мы с Орваром поместились в углу за кожаной занавеской, где прежде держали зерно. Тригвальд велел перетащить туда мешки с солью, а мы навалили на них соломы и стали раскладывать свое добро. Орвар сразу вынул из мешка сыр, хлеб и вяленую рыбу, а после достал топор в кожаном чехле.

– Что это? – Спросил я. Прежде мне не доводилось видеть у чего это оружие.

– Секира, – сказал фриз, – самая лучшая секира. Второй такой не отыскать ни по ту сторону моря ни по эту.

Он расстегнул чехол и протянул оружие мне. Гладкая длинная рукоять удобно легла мне в ладонь и как будто вросла в нее. Я ценил хорошее оружие – повидал его на своем веку немало, но такое видел впервые. -

Секира была тяжела, очень тяжела – такую, пожалуй, не всякий поднимет одной рукой. Двустороннее лезвие – в три ладони с каждой стороны – было густо смазано медвежьим жиром, чтобы ржа не источила добрую сталь.

Если есть на свете что-либо верное и надежное, так это боевое оружие – уж оно-то не предаст и не обманет. Я представил, как взлескивает в гуще боя широкое стальное лезвие и даже замахнулся пару раз для пробы.

– Эту секиру, – сказал Орвар, – выковал для моего деда горбатый карлик. Её всегда брали только в большие битвы и не тревожили по пустякам. Уже шесть зим не пробовала ока человеческой крови.

– Это доброе оружие, – сказал я, отдавая топор.

– Да, -кивнул фриз, – на ее лезвии нет ни одной зазубрины. Смотри, вот здесь выбиты руны. Это ее имя – Херья. Она недаром носит имя одной из валькирий, ибо ее появление сулит смерть.

Я посмотрел на секиру еще раз и отвернулся. Отчего-то вдруг мне стало неприятно на нее смотреть.

День прошел, и следующий день клонился к вечеру, фризы опять с утра, торговали, а я пошел к реке и дальше – в лес. И не куда-нибудь, а все к тому старому капищу, куда забрел в прошлый раз. То ли сила древних богов была столь велика, то ли думал я вновь увидеть ту девушку...

Я долго ходил вокруг идов, заглядывал в их пустые глаза, потом крикнул, как в тот раз, но голос мой разбился о глухую стену деревьев и вернулся звенящим эхом.

Я сел на поваленного идола и погладил ладонью мягкую траву. Травинки, ласкаясь, льнули к моим пальцам, нашептывали что-то... Или смеялись? Я их не слушал, Мои мысли летали далеко, кружились и падали, как острокрылые чайки, что рассекают воздух над громовым грохотом прибоа.

Не знаю, сколько я сидел так, глядя перед собой, пока позади не послышались легкие шаги – так крадется лисица, мягко ступая пушистыми лапами по траве, и только шорох прошлогодней листвы выдает ее приближение.

Я оглянулся., Девушка – та самая – стояла в трех шагах позади меня и смотрела с любопытством в серо-голубых глазах.

– Ты снова пришел?– Спросила она, склонив голову набок.

– Ты тоже пришла.

Девушка осторожно присела на корточки, все так же не сводя с меня настороженно-любопытных глаз.

– Я была здесь вчера, скальд,– оказала она. Сказала – и улыбнулась. Хитро так, с лукавым:: искоркам? в глазах.– Я знаю, кто ты. Ты ведь пришел с торговцами, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.